

Т.Н.Попова

Персональная история VS интеллектуальная биография, биоисториография: подходы и понятия

*...многое из того, что волнует нас сегодня, совсем неплохо
осознавалось в прошлом, но только в совершенно ином
мыслительном материале
Э.Ю. Соловьев*

Историография как специальная рефлексивная историческая дисциплина, изучающая историографический процесс во всей его темпорально-региональной конкретике многообразия, несмотря на кризисные явления институционального характера, пережила за последние десятилетия различные «повороты» («вызовы») - социальный, антропологический, культурологический, лингвистический, эстетический, материальный и т.п. Каждый из них - поиск нового ориентира в оптимизации познавательного процесса, некий эпистемологически-инструментальный идеал, на который с известной степенью периодичности направляется фокус исследовательского интереса (и надежды!) ученых. Все увеличивающаяся скорость появления этих «поворотов», не успевающих адаптироваться в профессиональном сообществе напоминает «безумие недовольности»¹ - постоянно-трагическое осознание нереализуемости имманентного стремления к постижению прошлого и себя в нем.

Среди этих «поворотов» можно выделить «вечно непреходящий» — биографический. Древнейший, сложно структурированный жанр (или - система жанров), приобретший множество моделей своего воплощения, - он вновь занимает умы историков и историографов. В данной статье акцент сделан на проблеме соотношения понятий, определяющих направления современных биографических исследований, - персональной истории и интеллектуальной биографии - в контексте смыслонасыщения категориальных новаций и возможности применения их в познании процесса исторического познания.

О персональной истории

Формула *personal history* достаточно широко распространена в литературе. В англоязычных изданиях последнего времени выделяют четыре варианта применения этого понятия для обозначения: 1) «персонифицированной истории» («истории персон») - более или менее традиционной биографии исторической личности «крупного масштаба», подчас с использованием интуитивистского метода биографической реконструкции и психоаналитических теорий; 2) «личной истории» как исследования жизни индивида сквозь призму его частных отношений - «частной биографии» в отличие от «публичной биографии»;

3) истории личности как «внутренней биографии» (развитие внутреннего мира человека) в противовес «внешней», или «карьерной»; 4) собственноручно написанных личных историй - («интеллектуальных автобиографий историков»), или

¹ См.: Беленький И.Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня /Под ред.- Л.П.Репиной. - М., 2005. - С. 48.

«автобиоисториографических произведений». В исследовательской практике эти т.н. «чистые типы» имеют разнообразную комбинацию².

К вариациям персональной истории относят и типологию исторических биографий, предложенную профессором экономической истории Венецианского Университета, специалистом по микроистории нового времени, Джованни Леви, который рассматривает выделенные им «типы» биографий как «подлинно крупные направления» в современной биографической практике:

1. *Просопография и модальная биография.* Под этим углом зрения индивидуальные биографии представляют интерес лишь постольку, поскольку они иллюстрируют модели поведения или внешние проявления, присущие наиболее многочисленным социальным группам, т.е. речь здесь идет не столько о создании достоверной биографии, сколько об использовании биографических данных в просопографических целях. В модальном типе биографии отдельных людей служат лишь иллюстрацией типических форм поведения или социального статуса.

2. *Биография и контекст.* При этом подходе биография сохраняет свою специфику отображения личностных свойств «героя», но в качестве ведущего фактора в этом отображении выступает контекст - эпоха, атмосфера, объясняющая специфику человеческих судеб.

3. *Биография и пограничные случаи.* Изучение частных случаев, крайних, «нетипичных» ситуаций в жизни «героя», «пограничного» индивидуального опыта, «ненормативного» поведения, что в итоге высвечивает «типичный» контекст личностного своеобразия.

4. *Биография и герменевтика.* Этот подход подчеркивает роль диалога, коммуникации между индивидами и культурами; акцентуацию в данном случае приобретает авторский дискурс³.

В современной российской историографии сформировались две версии персональной истории, ориентирующиеся на разные исследовательские стратегии и отражающие «разнотение» проблемы соотношения «персональной истории» и «истории вообще»:

1) «*экзистенциальная биография*» - «экзистенциальная персональная история», предметом которой выступает реконструкция психологического мира «героя», его динамики, уникального экзистенциального опыта индивида; эта версия персональной истории, подчеркивая «автономию и самоценность исторической личности, ставит в центр внимания изучение ее психологических характеристик и сознательно ограничивается «несоциальными видами биографизма»⁴;

2) «*новая биографическая история*» («социальная персональная история»), для которой характерен «социокультурный, в своей основе, анализ», т.к. предметом этого направления является изучение социальной и культурной ситуации, по отношению к которой описываемая жизнь приобретает значение истории. Про-

² Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через * личность: историческая биография сегодня /Под ред. Л.П.Репиной. - М., 2005. - С. 59-60; Она же. «Новая историческая наука» и социальная история. - Изд. 2-е, испр. и доп. - М., 2009.-С. 290-291.

³ См.: Леви Дж. Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории. - М., 1996. - С. 191-206. См.: Персональная история /Под ред. Д.М.Володикина. - М., 1999; Володикин Д.М. Две версии микроисторической платформы в отечественной историографии // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. - Вып. 8. - М., 2002.

цедура реконструкции личной жизни выступает в качестве цели исследования, и одновременно - в качестве одной из предпосылок познания исторического социума: «личностная история» превращается в «историю через личность», при этом речь не идет об экстраполяции биографических характеристик личности на микрогруппу или социум, но - о раскрытии всего разнообразия возможностей их взаимодействия⁵.

Общее для обеих версий: «базовый объект», жанровая близость, «отсутствие установок» на исчерпывающее объяснение, признание уникальности человеческой личности и неповторимости индивидуального опыта, понимание невозможности до конца раскрыть «тайну индивида».

Различия относятся к целевым установкам исследования и предполагаемому уровню обобщения его результатов: первый подход намеренно подчеркивает автономию личности: «ментальная оснастка» и социальный фон получают только незначительный статус «антуража», а события понимаются лишь в качестве «фактологического каркаса»; второй подход «исходит из равной значимости (курсив мой. - Т.П.) и взаимосвязанности социокультурного и личностно-психологического аспектов в анализе прошлого»⁶.

В рамках «контекстуальных биографий» (по Дж.Леви) получает распространение метод сетевого анализа межличностных взаимодействий, который опирается на т.н. «сетевую концепцию» социальной структуры: общество рассматривается как ансамбль «подвижных сетей человеческого взаимодействия», а поведение индивида объясняется «морфологией, плотностью, интенсивностью, содержанием и направленностью межличностных контактов»⁷. Биография в этом случае предстает как «вертикальная темпоральная последовательность горизонтальных срезов, на каждом из которых пространственно фиксируется конфигурация социальных связей индивида на соответствующем отрезке его жизненного пути»⁸.

Персональная история (или «индивидуальная история») по Л.П.Репиной (Москва) - новое направление, в основе которого лежит восстановление «истории одной жизни» во всей ее уникальности и в достижимой полноте⁹.

Поскольку «непосредственным объектом» любой биографии является «жизнь отдельного человека от момента рождения до момента смерти»¹⁰, то по своему объекту это направление не отличается от любого иного направления биографических исследований. Отличия - в специфике исходных теоретических

⁵ См.: Репина Л.П. Личность и общество, или история в биографиях (вместо предисловия) // История через личность: историческая биография сегодня /Под ред. Л.П.Репиной - М 2005.-С. 12-14, 16.

⁶ Там же. - С.13.

⁷ Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня /Под ред. Л.П.Репиной. - М., 2005. - С. 60-61.

⁸ Там же. - С. 61; Колесник І. Гоголь: мережі культурно-інтелектуальних комунікацій - К., 2009.

⁹ См.: Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня /Под ред. Л.П.Репиной. - М., 2005. - С. 56; Она же. Историческая биография и интеллектуальная история // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. - Вип. 4. - Київ, 2009. - С. 441,444; Она же. «Новая историческая наука» и социальная история. - Изд. 2-е, испр. и доп. - М., 2009. - С. 285.

¹⁰ Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). - М., 1991. - С. 46; Репина Л.П. Личность и общество, или история в биографиях (вместо предисловия) // История через личность: историческая биография сегодня /Под ред. Л.П.Репиной. - М.,

позиций: представители персональной истории ориентируются на «принципиально различные образцы» - микроисторию, психоисторию, модели рационального выбора, теории культурной и гендерной идентичности и проч.

Тем не менее, «общая характеристика» для всех этих типов персональной истории, несмотря на различие теоретической направленности, заключается в том, что личная жизнь и судьба индивидов, «формирование и развитие их внутреннего мира, «следы» их деятельности в разномасштабных промежутках пространства и времени выступают одновременно как стратегическая цель исследования и как адекватное средство познания включающего их и творимого ими исторического социума»¹¹ (курсив мой. - Т.П.).

В итоге собственно персональная история — индивидуальная история - «используется для прояснения социального контекста, а не наоборот, как это практикуется в традиционных исторических биографиях» (или «классических биографиях») ¹². Последние Л.П. Репина выводит из ареала персональной истории как современного направления биографических исследований, включающего значительный диапазон течений, объединенных базовой задачей - реконструкцией истории одной жизни, невзирая на их самоназвания¹¹.

Об интеллектуальной биографии

В современной украинской биографической литературе получил распространение концепт интеллектуальная биография¹⁴.

Как направление биографических исследований интеллектуальная биография появилась в русле «обновленной» интеллектуальной истории: ее «возрождение» на рубеже 1980-1990-х гг. было связано с «лингвистическим поворотом», который, в свою очередь, во многом способствовал начавшемуся процессу переосмысления всего историографического опыта «истории идей» в том виде, в каком в «западной» традиции «история идей» сложилась как «биография идей» - с изъятием собственно «носителя» идей и их социокультурного контекста. Одновременно под влиянием «новой социальной истории» появилась «история интеллектуалов», институциональное оформление которой во Франции началось с созданием (по инициативе Ж.-Ф.Сирилли) специальной междисциплинарной Группы (1985)¹⁵. В эти же годы научная деятельность П. Нора и

¹¹ Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня /Под ред. Л.П.Репиной. — М., 2005. — С. 56.

¹² Там же. - С. 56.

¹³ См.: Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. - Изд. 2-е, испр. и доп. - М., 2009. - С. 285,291.

¹⁴ См.: Грицак Я. Іван Лисяк-Рудницький (Нарис інтелектуальної біографії) // Сучасність. - 1994. - № 11; Ващенко В. Концепт «інтелектуальна біографія» та конструювання «наукових біографій» в українській історіографії // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. - Вип. 4. - Київ, 2009; Андреев В. «Інтелектуальна біографія» історика: експлікація поняття // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. — Вип. 5. — Київ, 2010-2011; Он же. Дмитро Дорошенко: «перший» чи «другий» в українській історіографії першої половини ХХ ст. // Досвіт вивчення інтелектуальної біографії історика // Український історичний журнал. - 2007. - № 4; Попова Т.Н. Проблемы изучения интеллектуальной биографии А.В.Флоровского: К 125-летию со дня рождения // Проблемы славяноведения: Сб. научных статей и материалов. - Вып. 11. - Брянск, 2009 и др.

¹⁵ Intellectual News. - 1997. - № 2. - Р. 55-59; Репина Л.П. Историческая биография и интеллектуальная история // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. - Вип. 4. - Київ, 2009. - С. 450.

Ф. Ариеса приводит к появлению в контексте нарратологии «ego-histoires», нового направления в историописании, цель которого - анализ взаимосвязи личностной истории ученых с их «научной лабораторией», конструкций их «жизненных нарративов» и способов конструирования ими «исторических (мета) нарративов»¹⁶. «Расцвет» исторической антропологии в 1980-е гг. («антропологический поворот») актуализировал интерес к «человеческому измерению» в интеллектуальной истории.

В 1980-е гг. проблема «биографического анализа» в интеллектуальной истории находилась в дискуссионной плоскости евроатлантического научного поля. Примечательно, что проблемы биографии были подняты и активно обсуждались представителями истории экономической мысли. Центральным в полемике оказался вопрос об отношении между идеями и жизнью, между тем, «как мы думаем, и тем, как мы живем». Дискуссии отразили наличие двух оппонирующих «платформ»: представители первой отрицали познавательную ценность биографической информации, рассматривая биографию в качестве «иллюстрации»; представители второй считали, что без обращения к «личной ментальной истории» ученого нельзя понять его концепцию, выявить социокультурный и интеллектуальный контекст его творчества, генезис его идеи, специфику принятия его наследия научным сообществом¹⁷.

Сторонник второй «платформы» - американский исследователь истории экономической мысли Дональд Уокер, рассматривал биографический анализ как естественную составляющую истории экономической мысли. Он предложил свою типологию биографического жанра в историко-экономических исследованиях (1983), вполне применимую, по мнению Л.П. Репиной, к интеллектуальной истории в целом, так как «вся совокупность фактов личностного, профессионального, ситуационного и библиографического характера образует то, что можно назвать научной биографией»¹⁸ (курсив мой. - Т.П.):

- 1) *биография личности* (сведения о времени и месте рождения, образовании, семейных корнях и влияниях, чертах характера и личной жизни ученого);
- 2) *профессиональная биография* (позиции ученого в академических и иных кругах, его профессиональная деятельность и отношения внутри научного сообщества);
- 3) *библиографическая биография* (анализ трудов автора, история их создания, источниковая база, техника и методология исследования, понятийный аппарат и междисциплинарные связи);
- 4) *ситуационная биография, или биография среды* (события и условия социально-экономической и политической жизни общества и эпохи, в которых жил и работал ученый). Этот вид биографии, считает А.Л. Нейман, соответствует высказыванию авторитетного ученого-экономиста И. Шумпетера: «Экономист сам - продукт своего и всего предшествующего времени»¹⁹.

¹⁶ Ващенко В. Концепт «інтелектуальна біографія» та конструювання «наукових біографій» в українській історіографії // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. - Вип. 4. - Київ, 2009. - 482.

¹⁷ См.: Нейман А.М. Биография в истории экономической мысли: опыт интеллектуальной биографии Дж.М.Кейнса // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П.Репиной. - М., 2005. - С. 330-332.

¹⁸ Репина Л.П. Историческая биография и интеллектуальная история // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. - Вип. 4. - Київ, 2009. - С. 452.

¹⁹ См.: Нейман А.М. Биография в истории экономической мысли: опыт интеллектуальной биографии Дж.М.Кейнса // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. - М., 2005. - С. 332-333; Шумпетер Й. История экономического анализа. - Т. 1. - СПб., 2001. - С. 16.

В 1990-е гг. исследовательский интерес к «человеческому измерению» в интеллектуальной истории «нашел свое продолжение и наиболее рельефное выражение в «новой биографической истории»» (курсив мой - Т.П.), ориентирующейся не просто на «воссоздание перипетий индивидуальной судьбы», но на историческое исследование «непрерывного движения индивида по своему жизненному пути» и анализ его «многообразных интеракций» в постоянно изменяющемся «социально-интеллектуальном пространстве»²⁰.

«Краеугольным камнем биографического подхода» (курсив мой. - Т.П.) в современной интеллектуальной истории является осознание взаимосвязи жизни и творчества, фактов «психологической и интеллектуальной биографии» личности: без «биографического измерения» интеллектуальной жизни понимание идей - основных продуктов интеллектуальной деятельности - оказывается неполным. В новейших исследованиях западных специалистов по интеллектуальной истории анализ текстов интеллектуалов осуществляется на основе выяснения биографического, культурного, научного и идеологического контекстов, их породивших, а современную интеллектуальную биографию характеризует «синтез биографического, текстуального и социокультурного анализа», т.к. даже «обстоятельный анализ интеллектуального контекста» не может быть достаточным для создания полноценной интеллектуальной биографии: «она требует более глубокого погружения в социокультурную среду и выяснения динамики изменений на всех ее уровнях и направлениях»²¹.

В историографической практике, опосредованной исходными теоретическими основаниями, особое значение приобретает конкретная модель биографического анализа. В ряде диссертационных работ последних лет получила популярность модель, предложенная Д. Уокером, которая в совокупности своих четырех типов биографии стала рассматриваться как модель интеллектуальной биографии²².

В. Ващенко (Днепропетровск), плодотворно работающий в русле нового для украинской науки биографизма, на основе анализа современных биографических исследований ученых «евроатлантической традиции» (А. Hannay, Cambridge, 2001; S. Gaukroger, Oxford, 1997) предложил свою модель интеллектуальной биографии историка, исходя из поэтапного решения конкретных задач:

- 1) выяснение генезиса и сущности интеллектуальных достижений субъекта («научная методология» ученого интерпретируется как сущность «интеллектуального достижения», а «генезис» этих «достижений» трактуется как «смена» парадигм на протяжении карьеры ученого);
- 2) установление рациональности субъекта в терминах его мотиваций (поскольку рациональность субъекта в науке проявляется не в последнюю очередь в «научной методологии», то эта задача может быть решена в процессе выявления мотивационных рядов в ее методологическом пространстве);
- 3) конечная цель - исследование мотивации или «внутренней логики», которой следовал ученый на протяжении длительного периода жизни и которая опре-

²⁰ См.: Репина Л.П. Историческая биография и интеллектуальная история // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. - Вип. 4. - Київ, 2009. - С. 450.

²¹ См.: Там же. - С. 453-455; Репина Л.П. Личность и общество, или история в биографиях (вместо предисловия) // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П.Репиной. - М., 2005. - С. 14 / прим./.

²² См.: Михайленко Г.М. Олександр Лотоцький (1870-1939 рр.): інтелектуальна біографія історика: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. - Київ, 2009; Ліхачова О.Є. Наукова, публіцистична та державна діяльність О.І.Горьківського: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. - Одеса, 2011 и др.

деляла выбор историком конкретных методов и «генезис» его «методологических подходов». Смена «научных методологий», привязанная к определенным событиям внутренней (психической) и внешней (социокультурной) жизни ученого, может рассматриваться как «вехи» его интеллектуальной биографии²³.

Можно согласиться с выводом В. Андреева (Херсон) о том, что в литературе – нет точной дефиниции интеллектуальной биографии как типа биографического исследования. Анализируя работы ряда «западных» и российских биографов, автор суммировал их высказывания о принципиальных чертах интеллектуальной биографии (ИБ), которые отличают ее от т.н. «научной биографии» - «традиционной», «классической» - названий, «покрывающих» предшествующий опыт биографических исследований:

1. ИБ интегрирует весь спектр жизни героя и его работ, освещает развитие его мысли под влиянием внешних стимулов - социальных, политических, культурных, научных и позволяет реконструировать весь интеллектуальный путь субъекта в контексте глобального интеллектуального пространства (M. R. Antognazza, Cambridge, 2009).

2. ИБ - это стремление биографа помочь «относительно подготовленному читателю» понять генезис и сущность интеллектуального достижения субъекта (A. Hannah, Cambridge, 2001).

3. ИБ исследует этапы становления мировоззрения субъекта и выясняет исторические причины их трансформации; наряду с официальной событийной историей и «канктной биографией» субъекта ИБ освещает «собственную историю его жизни и идей»; при этом акцент делается на исторические условия мировоззренческих метаморфоз героя, а его тексты анализируются с учетом историко-культурного контекста (В. Василенко, Россия, 2006).

Схему Д. Уокера В. Андреев рассматривает в качестве оптимального образца для написания интеллектуальной биографии, а ее исходный концепт справедливо связывает с интерпретацией категории «интеллектуал»²⁴. Принимая достаточно широкое определение, данное И.И. Колесник (Киев)²⁵, В. Андреев заключает, что интеллектуальная биография должна выразить квинтэссенцию жизненной активности интеллектуала во всех ее проявлениях: как гражданина, ученого, просто человека, который может самостоятельно мыслить, принимать осознанные решения и отстаивать свои позиции²⁶.

NOTA BENE

1. В.Вашенко, анализируя биографическую литературу «евроатлантической традиции» последней трети XX в., акцентировал теоретические инновации, которые представил в виде ряда бинарных оппозиций:

- на смену позитивистской версии научной биографии как бесстрастному коллекционированию фактов жизни ученого пришла (пост) модернистская парадигма «киномотографической биографии», в которой автор выступает в роли режиссера;

²³ См.: Вашенко В. Концепт «интеллектуальна біографія» та конструювання «наукових біографій» в українській історіографії // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. – Вип. 4. – Київ, 2009. – С. 478.

²⁴ См.: Андреев В. «Интеллектуальна біографія» історика: експлікація поняття // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. – Вип. 5. – Київ, 2010-2011. – С. 337-338.

²⁵ Колесник І.І. Інтеллектуальне співтовариство як засіб легітимації культурної історії України. XIX століття // Український історичний журнал. – 2008. – № 1. – С. 174.

²⁶ Андреев В. «Интеллектуальна біографія» історика: експлікація поняття // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. – Вип. 5. – Київ, 2010-2011. – С. 339.

- вместо «биографии-агиографии» актуальность приобрела «биография-контекстуализация», которая делает акцент на наличие всевозможных контекстов - интеллектуальных, политических, идеологических, - определяющих внешние контуры жизни ученого, за пределы которых он не может выбраться;

- наступление эры «жизнь как текст» накладывает отпечаток на создание (конструирование) биографических текстов, посвященных ученым, по законам – преимущественно трагедии.

Современный биографический жанр в целом, по мысли В. Вашенко, развивается под влиянием двух евроатлантических традиций: модернизированной сциентистской «научной биографии» (точнее - биографии ученых естественнонаучного поля) и ориентированной на гуманитарные науки «интеллектуальной биографии». Для украинской историографической практики в области биографических исследований характерно также наличие двух парадигм: одна из них концентрируется в концепте «научная биография» и восходит к позитивистскому опыту XIX в. (в таком виде историческая биографистика утвердилась в Украине как отдельная дисциплина), другая - апеллирует к научной метафоре «интеллектуальная биография», используя разнообразные постмодернистские техники²⁷.

Безусловно, любая историографическая схема имеет свой эвристический потенциал (какой бы фокусно-ограниченной она ни была в своей самодостаточности), и данная - относительно верно определяет ведущие тенденции в развитии биографических исследований на уровне мирового/регионального историографического процесса. Следует, тем не менее, учитывать, что смена парадигмальных основ историописания - процесс болезненный, «неоднозначно-прогрессивный», для него характерны не только кардинально новые приобретения, но и существенные потери: «разрывы» традиций, «внедрение» искаженных (чаще всего — «уничжительных») образов прошлого, редуцирование идей предшественников, «наложение и перенос смыслов» и т.п.; в такой ситуации «объем разрушенных иллюзий всегда намного превышает объем тех достоверностей и реальных возможностей, которые наука в данный момент доставляет»²⁸.

2. Имя Э.Ю. Соловьева - известного российского философа, мыслью которого я завершила предыдущую позицию, хорошо известно «биографистам» - на его публикации неоднократно ссылаются Л.П. Репина, его цитируют молодые исследователи в Украине²⁹, без его «программной» статьи, посвященной проблемам биографического анализа не обходится, пожалуй, ни одна работа историков, социологов, философов, литературоведов и проч. на «постсоветском пространстве». Мало того, работы Э.Ю. Соловьева становятся «методологическим ориентиром» для современных философов, обращающихся к философской рефлексии над биографическим опытом³⁰.

²⁷ См.: Вашенко В. Концепт «интеллектуальна біографія» та конструювання «наукових біографій» в українській історіографії // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. – Вип. 4. – Київ, 2009. – С. 478, 486.

²⁸ Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). – М., 1991. – С. 170.

²⁹ Не просто цитируют, но, к сожалению, и приписывают то, о чем автор не писал: например, известную схему Д.Уокера Г.Михайленко относит к текстам Э.Ю. Соловьева - см.: Михайленко Г.М. Олександр Лотоцький (1870-1939 pp.): інтеллектуальна біографія історика: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. - Київ, 2009. - С. 10.

³⁰ См.: Голубович И.В. Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании). - Одесса, 2008.

Однако не стоит забывать о том, что статья «Биографический анализ как вид историко-философского исследования» была написана автором на рубеже 1970-1980-х гг. - в период т.н. «застоя»³¹, с позиций «марксистской методологии», и ее «второе издание» в 1991 г. (в период «гласности») в известном сборнике - очерках по истории философии и культуры, в котором автор предстал не только как аналитик и теоретик биографического жанра, но и как блестящий мастер создания «научной биографии», текстуально не претерпела никаких изменений. Мало того, Э. Ю. Соловьев, как пишет И. В. Голубович (Одесса), осуществивший «интерпретацию экзистенциалистской традиции в рамках методологии биографического анализа» и разработавший «собственную версию ситуационно-исторического подхода (модель «личность - ситуация»)»³², еще в 1968 г. в своей статье «Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса» заметил, что «...целый ряд проблем, которые сегодня без всякого колебания могли бы быть причислены к разряду экзистенциальных, были сформулированы Марксом с удивительной четкостью и бескомпромиссностью именно потому, что он не был экзистенциалистом»³³. Тема «личность и ситуация», выведенная в качестве приоритетной современными теоретиками биографического жанра, была глубоко и всесторонне разработана К. Марксом в статье «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852) - работы, ставшей главным объектом философской рефлексии Э. Ю. Соловьева, проанализировавшего модель «марксистского ситуационно-политического анализа».

Мне бы хотелось, не претендуя на полноценный анализ персональной биографической модели Э.Ю.Соловьева, выделить несколько его мыслей, которые вряд ли можно назвать не актуальными в контексте сегодняшних проблем биографического жанра.

Э. Ю. Соловьев применяет формулу биографический анализ, рассматривая ее содержание «как вид историко-философского исследования», или самостоятельную и незаменимую форму научного исследования (в данном случае - в границах истории философии), «с помощью которой постигается эта история»³⁴.

Э. Ю. Соловьев, избирая индуктивный подход к рассмотрению методологических проблем биографического жанра, основывается на анализе конкретных работ биографов - авторов книг серии ЖЗЛ («Жизнь замечательных людей»): «Кант» Арс. Гульги (М., 1977), «Галилей» А.Штекли (М., 1972), «Бакунин» Н. Пирумовой (М., 1970) и «Паскаль» Б. Тарасова (М., 1979), которых объединяет одна тема - «человек в объективной драме истории». Именно эта «тематическая направленность и позволяет, - по мнению Э.Ю. Соловьева, - успешно решить проблему конкретно-исторической индивидуализации выдающихся деятелей прошлого»³⁵. Несмотря на единство тематического поля, каждое из четырех жизнеописаний представляет собой, как считает Э.Ю. Соловьев, - конкретный тип биографического анализа, исходя из исследовательской задачи автора³⁶.

³¹ Вопросы философии. - 1981. - № 7. 9.

³² Голубович И.В. Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании). - Одесса, 2008. - С. 11-12.

³³ Соловьев Э.Ю. Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса // Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). - М., 1991. -С. 186-187.

³⁴ Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). - М., 1991. - С. 19.

³⁵ Там же. - С. 45.

³⁶ Там же.-С. 52.

1. А. Гульга ставил своей задачей рассмотреть весь жизненный путь И. Канта в качестве лаборатории мысли: скудная на внешние проявления жизнь философа состоит из «самых волнующих личностных событий» - мыслей. Решение этой задачи - выявления «умственной индивидуальности» И.Канта - автор решает с помощью поиска проблемного единства всего творчества философа, несмотря на тематическое многообразие его наследия.

В данном случае, проблемное единство - это самоосознание («уяснение» по Э.Ю.Соловьеву) главного проблемного стержня собственной мыслительной (философской, научной) деятельности. Этой проблемой в качестве «жизненного нерва» учения И. Канта стала проблема человека. Заслугой А. Гульги, считает Э. Ю. Соловьев, является биографический анализ, построенный на выяснении основных этапов поиска и обретения философом своей проблемы, что и составляет «ключевой момент» его жизни³⁷. После этого события жизнь И. Канта как личности приобретает смысл (призвание) и долженствующее обязательство: ригоризм и аскетизм его повседневного существования становится понятен и принимаем.

2. Задача второго типа биографического анализа - подвижничество мыслителя - Галилея, выражающееся в его стремлении сделать общественным достоянием новую картину мира. А. Штекли выступает не только критиком известной легенды об ученом, но дает ее новую интерпретацию в контексте социокультурной специфики итальянского города ХУП века с его республиканским стилем жизни. Галилей как личность и ученый символизирует «приметы науки, у колыбели которой стоял возрожденческий республиканизм»: науку одиночек и затворников, схоластиков и риториков он стремится превратить в науку, одним из важнейших инструментов «добывания истины» которой станет «гласно-доказательное обсуждение». По отношению к этому образу науки нового времени - выработанному пониманию своей науки - Галилей никогда не совершал отступничества: его уступки и компромиссы, придворные интриги, литературные хитрости и, наконец, «отречение» и «покаяние» - только формы борьбы, которые он вынужден был применять ради общественного утверждения новой мировоззренческой теории.

3. «Третий тип биографии» по Э.Ю. Соловьеву - биография мыслителя в качества социально-значимого воплощения его идеи. Анархо-авантюристические, бунтарски-экстатические трактовки революции, характерные для ряда стран Европы 1960-х гг., как и для нашего времени, периодически возрождающиеся и позиционирующие себя с новыми версиями революционаризма, на самом деле имеют давние интеллектуальные истоки и образы. Герой Н. Пирумовой как личность кристаллизуется вокруг главного своего жизненного целеустремления - идеала, который с течением времени все более определяет конкретный, предпочитаемый данной личностью, тип поведения. Исходя из этой идеи, биографию Бакунина автор развертывает как «...классический «жизненный цикл» левого радикализма: от романтической одержимостью революцией как «праздником истории» к стоической верности «духу святого бунта»; далее - к бунтарскому имморализму; к растерянности перед закономерными порождениями этого имморализма, иезуитами и макиавеллистами революции; наконец, к полному разочарованию в революционном действии и ординарному историческому пессимизму»³⁸. Холодный академизм авторского стиля, стремление «в

³⁷ Там же. - С. 23.

³⁸ Там же. - С. 35.

каждом пункте анализа провести «презумпцию невиновности» по отношению к своему герою», тем не менее, подчеркивает Э. Ю. Соловьев, в итоге развенчивает бакунизм. Подобный тип биографического анализа, откровенно не ставящий задачу «нравственно-политического воспитания», на самом деле «работает» более оптимально, нежели систематическая критика левацких доктрин. «Проигрывание» общественной судьбы левого радикализма на примере одной биографии имеет социально-нравственное звучание.

4. Исследовательская задача четвертого типа биографического анализа - ответ на «вопрос об осуществлении мыслителем личностного синтеза различных форм духовной деятельности (философии, науки, нравственности, религии), отвечающего степени объективной развитости общества и культуры»³⁵. В решение этой проблемы, подчеркивает Э.Ю. Соловьев, важно избежать модернизации и схематического упрощения. Б. Тарасову, по его мнению, удалось показать уникальность Паскаля, сумевшего в своем творчестве объединить новое естествознание и реформаторские нравственно-религиозные искания: в едином жизненном опыте сошлись традиции Галилея, Кеплера, Торричелли, с одной стороны, и Лоренцо Валлы, раннего Лютера и др., с другой. Обе традиции воплощаются в едином личностном выражении: Паскаль «наследует ученым, не будучи сциентистом... и религиозным реформаторам, не будучи протестантом»⁴⁰. Идея коррелятивности Реформации и научной революции XVI-XVII вв. как объективной смысловой зависимости, характерной для раннебуржуазной культуры, пронизывает социокультурный контекст мышления и творчества Паскаля. Его «мыслящий тростник» в трактовке Б. Тарасова - не оппозиция тщетности телесной величиию разума, но осознание человеком собственного несовершенства («хрупкости», тростниковости»), в чем выражается вера в способность человека мыслить, рождающая трагический оптимизм ранней Реформации.

Э. Ю. Соловьев не ограничивает типологию биографий этими примерами, но считает, что приведенные им типы «очерчивают характерные проблемы, с которыми вообще сталкивается биографический анализ (и соответственно методологическое своеобразие этого анализа)»:

1) «Необходимость в научной биографии (курсив мой. - Т. П.) (в воспроизведении жизненной судьбы мыслителя) возникает там, где историко-философское исследование оказывается перед задачей обратной проблематизации той или иной концепции (системы), где от итоговой формы, в которую отлилось философское рассуждение, приходится возвращаться к самому этому рассуждению: к драматической, ищущей, ошибающейся и корректирующей себя индивидуальной мысли»⁴¹.

2) «Биография доводит до наглядности активный характер человеческого познания <...> она убедительно свидетельствует против ограниченных (операциональных и инструменталистских) истолкований этой активности»; поскольку становление мировоззренческой идеи нельзя сводить к ее «изобретению» или «изготовлению», постольку биограф обязан показать, что идея - «не просто «выделана», но еще и выстрадана своим субъективным носителем, в той или иной форме претерпевающим крушение иллюзий, разочарование, раскаяние и другие страдательно-творческие акты <...> первооткрыватель идеи сразу оказывается ее популяризатором, полемическим защитником и первоиспытателем:

³⁵ Там же. - С. 45.

⁴⁰ Там же. - С. 44-45.

⁴¹ Там же. - С. 45—46.

проблема «знание и общество» принадлежит, иными словами, к существу познания, к его интимнейшему опыту»⁴².

3) «Непосредственным объектом биографии является жизнь отдельного человека от момента рождения до момента смерти. Однако предметом, на который направлено основное исследовательское усилие биографа, каждый раз оказывается социальная и культурная ситуация. Только по отношению к последней описываемая жизнь приобретает значение истории, особой смысло-временной целостности, к которой применимы понятия уникальности, событийности, развития, самоосуществления»⁴³.

3. Обратимся к другому не менее интересному мыслителю - П. М. Бицилли, профессору Новороссийского университета, который одним из первых поставил проблему антропологически ориентированного культурологического подхода к истории науки. Анализируя современную ему практику изучения науки, П. М. Бицилли отмечал, что науку принято воспринимать как достаточно «замкнутый», развивающийся «сам из себя» мир. Кумулятивистская модель развития науки, ориентирующая на «эволюционный подход» к истории науки способствовали, по мнению П. М. Бицилли, рассмотрению каждой научной системы в качестве «звена» в общей «цепи» развития культурного человечества или закономерно обусловленной «ступени» в прогрессе «науки вообще». Исследователи науки изучают «философемь», пишет П. М. Бицилли, рассуждают о методе, их интересует, что каждый последующий ученый «взял» от своих предшественников, в какой мере он находился под их «влиянием», насколько его система послужила «выходом из противоречий, скрытых в предшествующей» системе и проч.; отдельные идеи рассматриваются только с точки зрения их принадлежности к той или иной научной системе. Такого рода подход полностью соответствует целям, которые современная история науки себе ставит, соглашается П. М. Бицилли, но этот подход абсолютно «непригоден» для историка культуры, ибо при подобном изучении научных систем, теорий, концепций «скрываются лики их творцов»⁴⁴.

П. М. Бицилли очень точно определил сущность той научной традиции, которая утверждалась в современный ему период историографии науки и которая в значительной мере повлияла на формирование «истории идей»: исследование внутренней логики науки, или ее «объективно-мыслительных образований» - идей, теорий, принципов, методов, концепций, проблем и др. В ее основе - введение всеобщего гомогенного опыта, который проявляется в «трансперсональном мировидении», а знание с его «сегментами» выступает как «деперсонифицированное образование» — «надвременные монограммы мыслителей» (Э. Ю. Соловьев). При таком подходе акцент делался на осмысление логико-теоретических норм взаимосвязи этих «объективно-мыслительных, когнитивных структур», «сегментов» знания.

Историк культуры, считал П. М. Бицилли, не вправе разделять «сознательную сферу духа» и «бессознательную», отделять «мировоззрение» от «мироощущения»: для него и философ, и естествоиспытатель, и историк — это, прежде всего личность (курсив мой. - Т. П.), которые творчески раскрывают себя в области «своей науки». Ученых нельзя рассматривать как «очередных исполнителей» тех заданий, которые выдвигаются «общим ходом научной мысли». Научная деятельность творческой личности является для историка культуры «его

⁴² Там же. - С. 46.

⁴³ Там же. - С. 46.

⁴⁴ См.: Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. - Прага, 1925. - С. 243-244.

биографией». Конкретное же «учение», т.е. научная система, им созданная (то, что в первую очередь интересует историков науки), это не просто систематизированный комплекс идей как «нечто неизбежное и вполне естественное». Это - то «невыразимое», чем является «психея» его создателя, это - «он сам»⁴⁵.

П. М. Бицилли и Э. Ю. Соловьева, представителей разных методологических направлений, через эпохальный разрыв объединяет общее - понимание ценности творческой индивидуальности и неповторимости личности ученого как главного объекта историко-научного анализа.

4. Категориальный аппарат современных биографических исследований представляет собой конгломерат терминов, лишенных «корней». Столкновение и взаимопроникновение научно-лексических традиций, забвение «генеалогии понятий», новые практики экспликаций, «мода» на лексические новации и т.п. приводят к тому, что в одном исследовании применяются понятия «из разных миров» без достаточного обоснования их совместимости. Это, конечно, «болезнь» переходного периода: будем надеяться, что это - «болезнь роста».

Однако как «развести» понятия - персоналистика, персоналистический подход, персонология, персонологический принцип, персонологический подход, биографический жанр, биографический подход, биографический метод, биографоведение, биографика, историческая биография, биографистика, методы биографического письма, биографические исследования, частная биография, публичная биография, внутренняя биография, внешняя биография, карьерная биография, профессиональная биография, научная биография, интеллектуальная биография, история персоны, персональная история, биографическая история, индивидуальная история и проч.? И как снова «соединить» их в едином категориальном поле современного биографизма?

Для этого потребуется не одно исследование из сферы биографистики (термин получил распространение в научном сообществе советских историков 1970-1980-х годов) - специальной исторической дисциплины, институционализация которой проходит в Украине приблизительно с рубежа 1980-1990-х гг. Значительная роль в этом процессе принадлежала В. С. Чишко (Киев).

Объектом биографистики является, на мой взгляд, - не «видатна особа» (В. С. Чишко), а историческая биография как историко-культурное явление, или система биографических жанров, предметом - история, теория и методология историко-биографических исследований.

Но дело даже не в «трудоемкости» подобной работы. Составить универсальный тезаурус вряд ли возможно, и вряд ли нужно, ибо возвращаться в монометодологизм — бесперспективное занятие. Но в границах конкретного (персонального) биографического исследования при создании собственной «биографической модели» от автора-биографа, безусловно, требуется «лексическая четкость» и понимание соотношения понятий с определенными традициями, даже если в итоге автор «сломает» демаркационные линии между ними.

5. Представленная ниже «композиция» - лишь предварительный вариант возможного «соединения» понятий из разных традиций для структуризации единого поля историко-биографических исследований.

(1) . Современная историческая биография, или биографические исследования (понятие, получившее распространение с 1980-х гг. в советской литературе) в области исторической науки, включают три ветви: 1) индивидуальную историю; 2) коллективную историю; 3) автобиографию.

⁴⁵ Там же. - С. 244.

Индивидуальная история, или - история персоны, или личная (личностная) история, или личностная биография - сфера интересов т.н. традиционной биографии, персональной истории, интеллектуальной биографии и биоисториографии.

Автобиография - относится к сфере интеллектуальной биографии личности, или автобиоисториографии (Л. П. Репина).

Коллективная история, или история коллектива (в том числе - научного сообщества), или коллективная биография (семейная история, история научного общества как коллектива и проч.) - сфера специальной дисциплины - просопографии в том виде, в каком эта дисциплина сложилась в «западной» традиции и получила свой статус в современной отечественной и российской науке, а также историографии с ее проблемными полями. Одновременно это - пересекающиеся сферы единого историко-биографического поля, а дисциплинарная принадлежность (дифференциация) этих ветвей - условна, т.к. любой тип биографического анализа осуществляется в общем ареале исторической науки и ее субдисциплин с выходом в междисциплинарное пространство.

(2) . Персональная история - самоназвание историко-биографических исследований, объект которых - история одной жизни от момента рождения до момента смерти во всей ее уникальности и в достижимой полноте.

Персональная история - сложно структурированная область научных исторических исследований, ее составляющие - относительно автономные предметные поля (со своей спецификой исследовательских задач и методологических ориентиров), определяющие - конкретный тип биографического анализа.

Система типов биографического анализа имеет свою конфигурацию: разные типы могут объединяться в единое тематическое поле (как это было показано в работе Э. Ю. Соловьева) или по исходным теоретическим позициям ориентироваться на «принципиально различные образцы» - микроисторию, психоисторию, модели рационального выбора, теории культурной и гендерной идентичности, включая т.н. «традиционную биографию» (в позитивистском, марксистском и др. вариантах), и проч.

Поэтому, как мне представляется, «новую биографическую историю» — «социальную персональную историю» - не стоит рассматривать как аналог всей персональной истории (или стоит воспринимать ее как определенную традицию - «западную»), это - одно из ведущих на сегодняшний день направлений персональной истории, или определенный тип биографического анализа — «социокультурный, в своей основе» (Л.П. Репина).

(3) . Аналогично интеллектуальная биография является видом интеллектуальной истории (направлением исследований в области интеллектуальной истории) и одновременно областью персональной истории, тематически ориентированной на изучение биографии интеллектуалов.

Понятие персональная история шире понятия интеллектуальная биография, т.к. объектом персональной истории может выступать любая персона - «индивидуум любого калибра» (Д.М. Володихин), независимо от масштаба личности, индивидуального вклада в историю, принадлежности к определенным социальным стратам и видам деятельности - интеллектуальной или иной другой (и в этом отличие персональной истории от т.н. традиционной, в которой объектом биографического анализа были преимущественно «крупные исторические деятели»).

Объект интеллектуальной биографии - интеллектуал (как бы не насыщали это понятие ученые), его жизнь и деятельность в различных сферах, но прежде

всего - интеллектуальной. Предмет же интеллектуальной биографии зависит (как в любой иной научной работе) от исследовательской стратегии и теоретических ориентиров. Поэтому интеллектуальная биография в свою очередь может быть представлена в историографической практике различными типами биографического анализа.

(4) . Биографический анализ — это одновременно вид историографических исследований - сфера дисциплины историографии в том виде, в каком она сложилась в «восточной» традиции.

С 1980-х гг. в советской науке этот вид историографических исследований выступает под самоназванием - биоисториография. Объект биоисториографии - «история жизни историка», а предмет - та сфера его жизни и деятельности, которая под определенным углом рассматривается биоисториографом. Наряду с проблемной, региональной, институциональной историографией, историей историографии (как истории истории исторической науки) и т.п. биоисториография входит в структуру историографических исследований.

Биоисториографические исследования можно рассматривать как вид интеллектуальной биографии и, соответственно, - персональной истории.

Автобиоисториография - личностная история историка о себе; это направление исследований входит в интеллектуальную биографию личности, или в интеллектуальную биографию как область интеллектуальной истории и, соответственно, в персональную историю («западная традиция»), одновременно - в структуру биоисториографии как направления историографических исследований («восточная» традиция).

Единицей биографического исследования выступает конкретный тип биографического анализа; различия между типами — в специфике исследовательских задач, методологических ориентиров и в целом - предметной направленности, которая и определяет их своеобразие и разнообразие. Создание типологии биографического анализа - задача биографистики.

6. Классическая, традиционная, научная биография - это неоднозначные понятия, требующие своего четкого содержательного наполнения, и считать их аналоговыми категориями можно лишь условно, в контексте противопоставления поисков «нового биографизма» (приблизительно с последней трети XX в.) биографической практике предшествующей эпохи «модерна». В лексиконе современных исследователей научная биография подчас превращается в метафору для обозначения «ретроградных» форм биоисториописания. Между тем, научной биографией называют и схему, предложенную Д. Уокером⁴⁶, и «воспроизведение жизненной судьбы мыслителя» с позиций «социально-культурного анализа»⁴⁷, который признается ныне атрибутом «новой биографической истории» (Л.П. Репина).

На протяжении 1960-1970-х гг. в советской науке определилась основная типология биографических работ. Принцип отношения автора к материалу биографии и личности «героя» обусловил выделение четырех видов биографии: научные; научно-популярные; научно-художественные и романизированные. По «предмету изучения» - «герою» - биографии разделялись на биографии полити-

⁴⁶ Нейман А.М. Биография в истории экономической мысли: опыт интеллектуальной биографии Дж.М.Кейнса // История через личность: историческая биография сегодня /Под ред. Л.П.Репиной. - М., 2005. - С. 333.

⁴⁷ Соловьев Э.Ю. Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса // Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). - М., 1991.-С. 45.

ческих деятелей; участников революционного движения; мыслителей энциклопедического масштаба; деятелей литературы и искусства; ученых - т.н. «биография человека науки». Жанровая характеристика этих видов определялась достаточно точно.

Научная биография «советского типа» - это монографическое исследование - «биография-монография», в которой жизнь и деятельность героя анализируется в неразрывной связи с той эпохой, в которой он жил и действовал, «время» же выступает как «социально-политическая реальность», окружавшая героя, и ставится в «равноправное положение» (курсив мой. - Т.П.) с исторической личностью. Личность в такой биографии должна предстать как «узловой пункт», в котором выражается «широкая характеристика эпохи», как «совокупность общественных отношений», как «яркий выразитель своей эпохи», ее «полноценный продукт». Основные черты научной биографии: «объективный академический подход» к освещению фактов в «рамках научного мировоззрения», отсутствие «субъективных рассуждений»; использование научной интуиции «без доммысла»; «субъектно-объектное» отношение между автором и героем; наличие библиографии и научно-справочного аппарата, экскурсов в историографию вопроса; акцент на профессиональную деятельность героя; определение его места и роли в историческом процессе; допущение прямой речи только на основе документальных памятников⁴⁸. Научно-популярная биография отвечала тем же характеристикам, но требовала более упрощенного изложения материала.

В центре третьего типа - научно-художественных биографий - «неповторимая человеческая личность»; цель биографа - показать «эволюцию души героя», при этом в отличие от «биографии-монографии» история выступала «лишь фоном». В этом типе биографии должны сочетаться научные методы и художественная интуиция, допускаясь «элемент «доммысла» как авторская гипотеза; отношения между автором и героем - «субъектно-субъектные». Субъективная оценка автора (что приветствовалось) должна была все-таки основываться на «строго научном фундаменте документов». Эти принципы были во многом заимствованы из теории биографии А. Моруа, произведения которого в эти годы получили широкое распространение в СССР. Большинство книг из серии ЖЗЛ выходили именно как научно-художественные биографии и в большей мере относились к историко-литературному творчеству.

7. В XIX в. утвердилась модель биографии, согласно которой постулировался тезис «двуединства биографии» - как явления искусства и исторического исследования. Научный аспект биографии требовал изложения точных фактов из жизни персонажа, а также анализа его духовно-нравственного развития; художественный - ориентировал на выявление сущности характера «героя» и его образного воплощения⁴⁹.

В советской науке произошло разделение биографии на «научную» и «литературно-художественную», однако проблема соотношения научного и художественного в исторической биографии оставалась темой дискуссии: Н.Я. Эйдельман, историк, теоретик и великолепный мастер биографического жанра, считал некорректной постановку вопроса о противопоставлении «научного повествова-

⁴⁸ См.: Биография как историческое исследование // История СССР. - 1970. - № 4. - С.233-235.

⁴⁹ См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. - СПб., 1891. - Т. IV. - Полуг.7. - С. 33-36; Беленький И.Л. Биография и биографика в отечественной культурноисторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня /Под ред. Л.П. Репиной. - М., 2005. - С. 39.

ния» и «художественного творчества», как «крайностями», между которыми - многообразие подходов; его оппоненты доказывали, что художественные и научные методы принципиально различны по «способам познания действительности»⁵⁰. Единство противоположностей - «строгой документальности» и «художественности», исследования и романа, науки и искусства - все более увлекало биографистов на рубеже 1970-1980-х гг.⁵¹

Полемические споры по проблемам биографического жанра в советской науке этого времени во многом отразили общие линии в развитии мирового интеллектуального процесса, что нашло свое выражение и в трансформации мыслительных структур, и в рождении новых образов науки, и в изменении подходов к соотношению разных видов познавательной деятельности, и др.⁵²

Сегодня проблема совместности «научного и художественного» в научных исследованиях получила достаточно отчетливую постановку: «...наметившиеся тенденции к интеграции гуманитарного знания в его рационально-научной и образно-художественной ипостасях, заставляют задуматься как над принципиальной возможностью, так и над механизмом их синтеза»⁵³. «Проблема синтеза» при этом рассматривается как проблема перехода от модернистских парадигм, в границах которых произошла дифференциация научного и художественного способов познания, к «постмодернистскому типу мироосмысления».

8. Каждой культурно-исторической эпохе, «логосу каждой национальной культуры» свойственны и свой «дискурс биографического сознания», и своя эволюционная типология биографических текстов⁵⁴. Это не означает отсутствия общих закономерностей развития биографического жанра, но предполагает учет специфики, которая находит свое выражение в дисциплинарных традициях, в самобытном развитии определенных областей знания, проблемное поле которых имеет аналогичные по содержанию контуры, но разные самоназвания и структуриацию в системе исторических дисциплин.

С XIX в. развитие идей в единой общеевропейской традиции рассматривалось преимущественно в контексте «теории филиации», поэтому и в университетской научной традиции Российской империи новая область исторического знания - история истории, дисциплинизация которой уже началась в этот период, предметно определялась как история исторической мысли.

В XX веке в западной традиции сформировалась автономная дисциплина - история идей, позже - интеллектуальная история, в дисциплинарное поле которой входила и история исторических идей. Вплоть до 1970-х гг изучение исторических идей (как и всего интеллектуального процесса) в западной традиции проходило с элиминацией социального контекста; социальные аспекты науки изучались в границах социальной истории, собственно историографии как исто-

⁵⁰ История СССР. - 1970. - № 4. - С. 232, 240.

⁵¹ См.: Селезнев Ю.Н. Служить своему времени и своему народу // Вопросы литературы. - 1980. -X» 9.-С. 235.

⁵² См.: Попова Т.Н. Дисциплинарное сообщество историографов на исходе Постмодерна (фрагменты размышлений) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. - Вип. 4. -Київ, 2009.-С. 210-235.

⁵³ Румянцова М.Ф. «Чужое Я» в художественной литературе и в исторической науке // История через личность: историческая биография сегодня /Под ред. Л.П. Репиной. - М., 2005.-С. 20.

⁵⁴ См.: Бельский И.Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня /Под ред. Л.П. Репиной. - М., 2005. - С. 38.

рической науки, а проблемы теоретического и методологического характера были уделом философии, теории, эпистемологии, методологии истории и т.п. Во многом эта ситуация была обусловлена теми «образами науки», которые сложились в западной философии и истории науки на протяжении 1930-1960-х гг.

Интернализм и экстернализм, создав оппонирующие «образы» науки - когнитивный и социальный, фактически разделили интеллектуальную и социальную сферы науки, определив соответственно и два типа анализа науки - когнитивный и социальный. Но уже в 1960-е гг в науковедческих исследованиях четко обозначилась тенденция к переосмыслению прежних «образов науки». В этом процессе, вероятно, следует учитывать и такой фактор как становление новой интегральной области знаний, получившей в СССР самоназвание науковедение, а на Западе - science of science.

С рубежа 1960-1970-х гг. о себе заявило новое направление - когнитивная социология (М. Mulkau, R. Whitley и др.), представители которого, исходя из социокогнитивного образа науки, выдвинули новый подход к изучению науки - социокогнитивный. Эволюция на протяжении 1960-х гг взглядов Т. Куна с переосмыслением акцентуализации ведущих категорий его теории научных революций - парадигмы и научного сообщества, стало выражением «социального поворота» в исследовании интеллектуальных движений.

«Возрождение» интеллектуальной истории с ее обращением к социокультурному контексту интеллектуальной деятельности «проходило» в русле новых тенденций в общем научном поле. С конца XX века в ареале интеллектуальной истории направление, сфокусированное на исследование истории исторического познания, получает распространение под самоназванием история историографии. Перспективу «обновления» этой области интеллектуальной истории современные аналитики усматривают в совмещении традиций социально-интеллектуальной и личностной истории в особом предметном поле под новым самоназванием - история историографии в человеческом измерении (Л.П. Репина).

В структуре исторической науки в СССР на протяжении 1960-1980-х гг. завершилось дисциплинарное оформление историографии как специальной дисциплины, предметом которой (как он определялся практически во всей дидактической и официально-научной литературе) выступали закономерности развития исторических знаний и исторической науки. Дискуссии 1960-х гг. (по инициативе, прежде всего М. В. Нечкиной) способствовали преодолению одновекторности в понимании взаимосвязи «базис-надстройка», приоритета социально-экономических факторов в развитии науки, что было характерно для советской историографии науки предшествующего времени. Кстати, факт влияния «советской модели» развития науки, созданной на рубеже 1920-1930-х гг, на появление «экстерналистского невидимого колледжа» не оспаривался нашими западными коллегами, в первую очередь - участниками этого процесса.

Новый образ исторической науки как единство «внутренних» (когнитивных) и «внешних» (социальных и проч.) сторон ее жизнедеятельности обусловил и широкое проблемное поле историографических исследований, и тот тип биоисториографического анализа, который «связал» личность с эпохой, научное творчество с социальным контекстом.

Осознание механизма взаимосвязи интеллектуальных и социальных параметров в биографических в целом и в биоисториографических исследованиях на протяжении последнего тридцатилетия советской науки претерпело свою эволюцию.

Эпоха «оттепели» определила новый взгляд на ценность человеческой личности и моральной ответственности индивида в социуме, способствуя тем

самым созданию целостного образа объекта биографических исследований. В методологии наметилась тенденция к преодолению редуцированной оценки личности как «продукта эпохи», «комплекса социально-экономических факторов», что было особенно свойственно «школе» М.Н. Покровского. Под «марксистским подходом» к анализу личности в 1960-е годы стали понимать показ того, как «происходит диалектическое взаимодействие - познание эпохи через личность и личности через эпоху»⁵⁵.

С. Л. Рубинштейн, воспитанник Новороссийского университета, стоявший у истоков марксистской школы психологов, считал, что «свойства личности включают общее, особенное и единичное и значительность личности определяется тем, чем больше в ее индивидуальном преломлении представлено всеобщее»⁵⁶. В формуле «индивидуальное преломление всеобщего» категория «индивидуальное» предстает, по его мнению, как система «внутренних условий личности» (ее мотивы, установки, характер, потребности, вкусы, интересы, темперамент, способности и т.п.), а категория «всеобщее» - как система «внешних условий» на определенном этапе развития личности. Обе категории историчны, и изменение качественных параметров «индивидуального» выражается через историю психики, смену ее исторических форм, каждая из которых имеет свое особое внутреннее строение: меняется не только объем осознаваемой информации, соотношение тех или иных психических свойств и процессов, но и самый тип их связи. Сознание человека эпохи средних веков и нового времени отличается между собой не только в количественных характеристиках, но и качественно. Социально-историческая типология людей - это факт и вне этого факта не может быть во всей жизненной полноте охарактеризована роль личности в истории. Исторические судьбы самого биографического жанра, подчеркивал С.Л. Рубинштейн, отражают историю личности на разных этапах ее развития⁵⁷.

Институционализация в этот период нового направления - исторической психологии - открывало и новые возможности для развития исторической биографии.

Если «образом» биографического анализа предшествующего времени была методика Е.В. Тарле, отбравшего факты для ответа на вопрос, как «личное переключается с общественно значимым», исходя из тезиса - «важнейшее из личного» (остальные «подробности биографии» не представляли для него ценности)⁵⁸, то новые задачи, поставленные биографами-«шестидесятниками», включали исследование «субъективно-психических сторон биографии», а «непрерывным элементом работы над исторической биографией» постулировался «длительный процесс «вживания в образ»⁵⁹.

Новые тенденции в биографическом жанре были связаны и с участием советских историков на XIII Международном конгрессе исторических наук (Москва, 1970), с обсуждением выступления известного немецкого ученого Вальтера Хубача (ФРГ) об исторической биографии. Согласно его мнению, биография - это жизнеописание, в центре внимания которого развитие неповторимой человеческой личности, раскрытие ее внутреннего мира в тесной взаимосвязи с эпохой и делом, которому эта личность себя посвятила; биографический

⁵⁵ «История СССР. - 1970. - № 4. - С. 232, 239.

⁵⁶ Там же. - С. 235.

⁵⁷ Там же. - С. 235-236.

⁵⁸ См.: Баженов В.В. Биографический метод в научном творчестве академика Е.В.Тарле // История и историки. 1972. - М., 1973. - С. 295.

⁵⁹ История СССР. - 1970. - № 4. - С. 242.

текст должен содержать элемент художественности, интимного проникновения личности автора в личность героя на основе соединения рационального познания и интуитивного; между автором и «героем» наряду с «субъект-объектными» отношениями должны устанавливаться «субъект-субъектные» отношения»⁶⁰.

Поистине новаторской в области биоисториографических исследований в эти годы стала монография М.В. Нечкиной о В.О. Ключевском («Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества». М., 1974. - 638 с.). Исходная идея автора о том, что «историческое развитие творческих процессов» взаимосвязано со временем, с одной стороны, а с другой - «с влетающим в них биографическим потоком событий», определила структуру работы, в которой жизнь историка и создание им научных трудов «в тесной связи» с эпохой проходили «этап за этапом» (С. 53). «Избрание жизненного пути, выбор тем для исследования, развитие лекционной работы, созревание общей концепции истории России, подготовка и издание «Курса русской истории» - все связано с ходом событий, с развитием науки той эпохи, с индивидуальными особенностями движущейся жизни человека», - концептуализировала М. В. Нечкина свой подход к изучению биографического материала (С.53). Через «главные биографические факты» в жизни ученого, которыми, по мнению В. О. Ключевского, были книги, «этап за этапом» - из главы в главу - М. В. Нечкина смогла развернуть персональную историю ученого.

Еще в 1965 г. М.В. Нечкина выделяла в качестве важнейших историографических источников - «массивы переработанного материала», которые образуются в процессе работы историка, и составляют его «лабораторию», а позже - «личный архив» («История и историки. Историография истории СССР»: Сборник статей. М., 1965. - С. 10). Анализ этой лаборатории, тесно связанный с анализом личностной биографии историка, позволил М.В. Нечкиной показать процесс творчества В.О. Ключевского - противоречивый, отнюдь не линейный, динамический и драматический одновременно.

К концу 1980-х гг., в эпоху «перестройки», «жесткость» демаркационных границ между разными типами исторической биографии сменилась более гибкими подходами к биографическому творчеству, историографический экскурс и осознание проблемных зон в развитии исторической биографии способствовало определению перспективного видения эволюции жанра - все это нашло свое выражение в докладе советской делегации на XVII Международном Конгрессе исторических наук в Мадриде (1990). Стратегия биографических исследований предполагала взаимосвязь трех линий: гуманизацию биографии, акцент на общечеловеческие нравственные категории в отношении личности героя; междисциплинарное поле биографического жанра; ориентацию на плюрализм в подходах к оценочным суждениям и проч.⁶¹

Одновременно именно эпоха «перестройки» с ее синдромом «самобичевания и покаяния», в первую очередь в среде «интеллектуалов», способствовала созданию мифологемы об отсутствии «истории в лицах» (и «историографии в лицах») в советской науке - сами историки поддерживали этот тезис. В итоге вместо научного анализа истории биографического жанра молодые национальные историографии на «постсоветском пространстве» начали не с реконструкции и анализа собственных биографических (и прочих) традиций, не с осмысления тех

⁶⁰ См.: Хубач В. Биография и автобиография: проблема источника и изложения. - М., 1970; Вопросы истории. - 1970. - № 3.

⁶¹ Павлова Т.А. Историческая биографистика в СССР // Новая и новейшая история. — 1990. - № 2. - С. 48.

плодотворных тенденций биографических исследований, которые уже заявили о себе в сообществе советских историков, но - с отрицания собственного богатого опыта в области отечественного биоисториописания и заимствования «западных» идей, развитие которых проходило не без влияния «восточноевропейского» интеллектуального поля.

9. Среди категорий, используемых в биографических исследованиях, особо важными представляются объект и предмет, биографический метод и биографический подход.

1) Объект-предмет. В современной литературе встречаются различные варианты содержательного наполнения связки объект-предмет. Основным исследовательским объектом персональной истории определяют персональные тексты, а предметом исследования - «историю одной жизни» во всей ее уникальности и полноте⁶². Одновременно, следуя за Э. Ю. Соловьевым, Л. П. Репина «непосредственным объектом (курсив мой. - Т. П.) любой биографии» считает «жизнь отдельного человека от момента рождения до смерти»; в свою очередь конкретный тип биографического анализа, обусловленный исследовательскими задачами, имеет свой предмет: либо реконструкция «уникального экзистенциального опыта индивида», либо - «социальная и культурная ситуация», в контексте которой жизнь «героя» приобретает значение истории. В границах этих «полосов», подчеркивает Л. П. Репина, «мультиперспективный подход» в биографических исследованиях нацеливает на иные варианты биографии⁶³.

Различные традиции в понимании объекта многообразных исторических исследований - либо фрагмент исторической реальности (например, жизнь персоны), либо источник, с которым непосредственно имеет дело ученый (в данном случае - персональные тексты), требует определенности в выборе научной (шире - философской) традиции.

Возможен вариант разделения понятий объект познания и объект исследования. При таком подходе объектом познания исторической биографии выступает сама персона, а объектом исследования - персональные тексты (письма, дневники, мемуары, автобиографии и т.п. - документы личного происхождения, или эгодокументы, а также «продукты творческой деятельности» - научные исследования, публицистика, литературные и прочие произведения) и другие материалы. В этом случае объект исследования и источниковая база практически совпадают.

Если один и тот объект познания и объект исследования может быть атрибутом разных видовых исследований, то специфика последних зависит от предмета.

Предмет познания определяется не просто как часть, аспект, свойства и т.п. объекта, что составляет исследовательский интерес *ученого*, но это - проблемно ориентированная исследовательская установка, в которой ракурс постижения объекта познания - предметная направленность - детерминирует конкретные задачи и методологию исследования.

Специфика предметной направленности, опосредующая исследовательскую стратегию, теоретические и методологические ориентиры, в конечном счете определяет конкретный тип биографического анализа.

2) Метод-подход. Чаще всего понятия биографический метод и биографический подход применяют как синонимы, дополняя аналоговым - персонологический подход.

Считается, что формулу «биографический метод» ввел французский литературный критик Ш.-О.Сент-Бёв (1804—1869): статья «Пьер Корнель» (1828) открыла серию портретов писателей и утвердила за Сент-Бёвом право называться родоначальником такого биографического жанра, как «литературные портреты». Лапидарное изложение основных принципов биографического метода было предпринято Сент-Бёвом в статье «Шатобриан в оценке одного из близких друзей в 1803 г.» (1862). Он выделил десять «аспектов портрета», являющихся одновременно этапами изучения биографии писателя: рассмотрение великого или выдающегося писателя в семейной обстановке; ознакомление с характером его образования и воспитания; определение «первого окружения» в период становления его таланта; изучение первых успехов писателя - «талант в юности»; определение периода «ослабления таланта»; изучение особенностей мировоззрения, религиозных взглядов, его отношения к природе, женщинам, деньгам и проч.; выявление тайных слабостей; изучение специфики литературного стиля; выявление духовных наследников, учеников и почитателей; изучение оценок творчества писателя, данных «врагами», «недоброжелателями» и проч." На мой взгляд, эти мысли Ш.-О.Сент-Бёва незаслуженно забыты историками, ибо интеллектуальная биография как тип биографического анализа вполне могла бы включить эти позиции в свою методическую платформу.

Возникший в позитивистски ориентированном литературоведении биографический метод в начале XX века был подвергнут критике⁶⁴. В современных исследованиях это понятие опять получило свой статус при наличии определенных разночтений⁶⁵.

Ведущий российский теоретик биографического жанра И.Л. Беленький считает, что биографический метод не может быть в биографике (в смысле ее собственного метода, как и при изучении жизни «героя»), т.к. в этом случае «он - не метод, а сама предметность»⁶⁷. В то же время в различных дисциплинах под био-

⁶⁴ См.: Сент-Бёв Ш. О. Шатобриан в оценке одного из близких друзей в 1803 г. // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Тракаты, статьи, эссе. - М., 1987. -С. 39-48; Луков Вл.А., Трыков В.П. Ш. О. Сент-Бёв о десяти заповедях биографического метода // VIII Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры. - М., 1996.-С. 52.

⁶⁵ См.: Богданов В. Биографический метод в литературоведении // Словарь литературных терминов. - М., 1979. - С. 32-33 и др.

⁶⁶ См.: Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ / Под ред. В. Воронкова и Е. Здравомысловой. - СПб, 1997; Биографический метод в социологии: история, методология, практика/ Под ред. Е.Ю. Мещеркиной, В.В. Семеновой. - М., 1994; Фуке-Хайригц В. Биографический метод // Биографический метод в социологии: история, методология, практика / Ред. колл.: В.В. Семенова, Е.Ю. Мещеркина. - М., 1993. - С. 11-41 и др.

⁶⁷ Беленький И.Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня /Под ред. Л.П. Репиной. - М., 2005. - С. 47, 38-40. Под биографикой в современной литературе понимают систему философско-методологических, историографических, историко-культурных, рецептурных знаний и представлений об отдельных биографических жанрах, о смысле, задачах и возможностях биографического мышления и познания, о методах биографической реконструкции; все это начинает конституироваться в Европе в XVIII - XIX вв, в России - во второй половине XIX - начале XX в. Как дисциплинарное понятие биографика появилась в работах И.Т. Филиппова в значении отдела исторического знания, исследующего типологические формы проявления личностной индивидуальности в истории. См.: Филиппов И.Т. К вопросу о науке биографии // Известия Северо-Кавказского государственного университета. - Ростов-на-Дону, 1926. - Т. УПІ. - С. 89-92.

⁶² См.: Репина Л.П. Историческая биография и интеллектуальная история // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. - Вип. 4. - Київ, 2009. - С. 441-443.

⁶³ Там же. - С. 449, 453.

графическим методом можно понимать «метод изучения индивидуального, как вспомогательный для изучения коллективного, социального»⁶⁸. Однако в науке со времен неокантианцев утвердилось иное понятие «для изучения индивидуального» - идиографический метод.

Биографический метод - это, скорее, метафора, поскольку собственно такой _ метод, действительно, не существует. Исследования широкого спектра родственных жанров, объединенных принципом биографизма, всегда ориентируются на определенное методологическое направление. В исследованиях «небиографического профиля» использование в разнообразных планах отдельных элементов биографизма может расцениваться как применение биографического метода, который в то же время стоит замещать в этом смысле аналогом - формулой биографический подход.

10. Новый «дискурс биографического сознания», поиск инновационных путей к созданию биографических текстов, иное видение биоисториописания - неизбежны в стадильно новой культурно-исторической эпохе, которая «вечные вопросы» постижения личности формулирует в «новом мыслительном материале», с применением иного категориального аппарата.

Поиски «нового биографизма» лежат на пересечении узловых проблем, высветившихся с рубежа XX - XXI вв. в области социогуманитарных исследований в целом. Это - проблема соотношения и совместимости микро- и макроанализа, которая концентрируется в задаче концептуализации взаимодействия личности и общества, соотношения конкретного и абстрактного, частного и целого; проблема взаимодополнительности изучения индивидуальной биографии как особого измерения исторического процесса, системно-структурных и социокультурных исследований в единой когнитивной стратегии целостного восприятия прошлого; проблема экстраполяции индивидуальных судеб, решений и поступков в область коллективного опыта, в общую характеристику социально-исторического контекста; проблема проникновения в механизм мотиваций и поступков личности и др. В различного рода модификациях биографического жанра проблема взаимосвязи индивидуальных, институциональных и социокультурных стратегий должна решаться с использованием общего концептуального и методологического инструментария (т.н. «общего рынка» по Ф. Броделю), вне зависимости от масштаба и ракурса анализа⁶⁹.

Современная биографическая практика показывает не только стремление авторов к осмыслению этих проблем, но и высвечивает определенное своеобразие в ситуации «столкновения» и «переплетения» традиций. Если «Запад» с конца XX века идет на радикальное сближение интеллектуальных и социокультурных параметров, ранее разъединявшихся, а в ряде случаев вплотную приближается к марксистскому тезису о «личности - продукте эпохи» (в первую очередь в историко-экономических исследованиях) и т.п., то «Восток», с одной стороны, набив «оскомину» на категорическом императиве социально-экономического компонента в любом виде анализа, проявляет интерес к «позавчерашнему дню» «западного биографизма» в его экзистенциальном выражении, ориентируясь на элиминацию социального как восполнение «пропущенной» традиции в отечественном инструментарии, с другой - активно декларирует нормативы

⁶⁸ Бельский И.Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня /Под ред. Л.П. Репиной. - М., 2005. - С. 47.

⁶⁹ См.: Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. - Изд. 2-е, испр. и доп. - М., 2009.

«новой биографической истории» («социальной персональной истории»), которая, в принципе, абсолютно «новой» для нас не является.

Эта историографическая ситуация детерминирует в первую очередь обращение к исследованию истории биографических традиций, к «вычленению» действительно новых подходов к старым проблемам, вне зависимости, из какой региональной сферы они бы не появились, к созданию моделей биографического анализа, в которых бы оптимально могли соединиться элементы «нового биографизма», корректно заимствованные из двух оппонированных (к сожалению, до сих пор!) систем биоисториописания. При этом вряд ли стоит устремляться по пути поиска «единых подходов», создавать новые шаблоны™, применять только одну терминологию. «Мультиперспективный подход» (Л.П. Репина) к изучению «истории одной жизни», открывает широкие возможности для биографического эксперимента.

⁷⁰ См.: Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). — М., 1991.-С. 49.